

Сакен

Сейфуллин



НА СТАНЦИИ «АЙНА-БЕК»

Начиная с 1957 года, после реабилитации Сакена Сейфуллина, я стал заниматься сбором материалов о его творчестве для будущей исследовательской книги. Работал в Москве, в тогдашней библиотеке им. Ленина. Просматривал периодику времен Сейфуллина, стремясь найти публикации о нем или его произведения. Моя настойчивость увенчалась находкой: в газете «Степная правда» от 2 декабря 1922 года я увидел рекламное объявление о выходе из печати литературного приложения №2 к «Степной правде», в нем же анонсировался рассказ Сакена Сейфуллина «На станции Айнабек», который «написан живо и обнаруживает большое знание автором киргизского народа и безграничную любовь к его бедноте». Но само приложение найти ни в тот раз, ни во второй приезд в Москву мне не удалось.

Прошло время. Монографию «Сакен Сейфуллин» я закончил и издал в 1962 году. И уже смирился с утерей его рассказа. В конце 60-х годов ко мне в аспирантуру, в пединститут им. Абая, поступил из Чимкента молодой соискатель Фатих Фаткуллин. Вскоре он поехал по своей научной работе заниматься в ленинскую библиотеку в Москву. Вспомнив, я ему рассказал о своей находке и попросил, если будет время, поискать наудачу рассказ Сейфуллина. Одаренный молодой исследователь Ф. Фаткуллин любил работать в архивах и библиотеках, он скрупулезно и долго искал этот рассказ, и поиск оказался успешным: в 1971 году Фатих привез мне его перепечатанным на машинке с сохранением всех особенностей, орфографии и пунктуации оригинала. С тех пор рассказ лежал в моем архиве, поскольку казахский текст его обнаружить не удавалось. И все-таки мне хочется, чтобы спустя почти столетие через старейший наш русский литературный журнал его узнали читатели. Этот небольшой рассказ не только передает атмосферу того времени, но стиль писателя, его мировоззрение.

«Злоба, грустная злоба кипела в груди», – парафразом строк Александра Блока из поэмы «Двенадцать», взятых к нему эпитафией, заканчивается рассказ, служащий социально-нравственным уроком на все времена.

Серик Кирабаев, академик НАН РК



Злоба, грустная злоба, кипит в груди...

Товарищ, гляди в оба.

А. Блок

На станции «Айна-Бек» на линии вновь строящейся железнодорожной ветки укрепляли насыпи, рыли канавы рабочие - киргизы и русские. Большинство были киргизы, так как ветка проходила через киргизскую лесостепь. Неимущие окрестные «жалшы»-киргизы и работали на этой линии. Это случилось как раз в тот день, когда с сильным громом-молнией, с ураганным градом, прошла дождевая буря, продолжавшаяся всю ночь и весь день.

День был сероватый.

На небе беспрестанно меняющие свою окраску тучи, то рассеиваясь, то сгущаясь, все старались укрыть, заслонить красное солнышко. Но солнце властно поднималось все выше и выше, бросало вниз на землю свои червонного золота лучи. Кругом были леса и степь, покрытая цветным, живописным ковром густой травы. По обеим сторонам ветки виднелись киргизские аулы, разбросанные по степи мелкие и крупные табуны и стада. Слышны были далекие людские голоса и протяжные песни. Вслушавшись в мотивы этих пастушьих песен, человек с чутким ухом почувствовал бы в них беспредельную печаль тяжелой нужды и беспросветной жизни.

О, эти песни... Их мотивы хорошо знакомы рабочим, они сами пели такие песни. Сегодня работа их что-то не двигалась. Рабочие были недовольны, их бронзовые лица были сердиты, брови нахмурены. Они взволнованно, отрывисто переговаривались, исподлобья поглядывая то в ту сторону, откуда шла железнодорожная ветка, то на аул, стоящий в трех верстах от станции, на опушке леса среди небольших озер и тумаров («Томаров»). Этот аул принадлежал известному богатею, киргизу Карынбаю, тому самому Карынбаю, которого три дня назад убили неизвестные, хотя в убийстве подозревали рабочего Казина.

Неожиданное убийство Карынбая произвело много шума в степи. Сразу слетелись как грифы старые, влиятельные аксакалы, бии, аульные старшины. Плакали, ахали, охали, кипели, проклинали кого-то за что-то.

Приехал с секретарем председатель Волисполкома, составил акт, и Карынбая похоронили с воплями и стонами.

Родственники Карынбая, все эти аксакалы, бывшие бии и старшины, и все баи-богачи, и все киргизские бабы чувствовали, что совершилось что-то ужасное, в истории небывалое, что потому кругом плач и стон, что плачет вся киргизская беспредельная степь, оплакивает Карынбая. И все они были уверены, что в наступившие три дня и три ночи должно затмиться солнце, погаснуть луна в знак печали.

Специально срочно посланный в губернский город человек с донесением приезжему из центра большому улуку-начальнику вернулся сегодня и сообщил, что едет сам «большой улук» и сам произведет дознание и следствие по убийству Карынбая.

Для приезжего защитника народа выставили большую белую, как лебедь, юрту, украсив стены тускиизами, вышитыми цветным шелком, дорогами коврами и до порога выстлав пол коврами и шелковыми одеялами.

И юрта походила на орду-палату сказочных ханов.

Приготовили все, что нужно. Все почетные аксакалы, баи, бии и бывшие старшины, и все родственники Карынбая ожидали «озамата» – сына народа, не сводя глаз со станции «Айна-Бек», откуда должен был приехать ожидаемый дорогой и желанный гость. На станции дежурили джигиты и родственники Карынбая с двумя тройками красивых, статных, бойких лошадей, запряженных в повозки для «улука»-гостя.

Все это совершалось на глазах людей, работавших на этой станции «Айна-Бек». Одни из рабочих не понимали, почему в аул Карынбая все еще собираются «аксакалы», «ааи», бывшие «бии» и старшины, почему они суетятся, почему ожидают из губернского города приезжего «комиссара»-улука, и почему он, то есть приезжий из центра ответственный работник должен приехать... Другие, молча нахмутив брови, лишь мрачно покачивали головами, третьи, поглядывая на лихие тройки, ожидающие дорогого заступника и на суетящийся аул Карынбая, и на снежно-белую, как лебедь юрту, возмущались, отрывисто отпускали ругательства в адрес покойного Карынбая, почетных аксакалов, биев, баев и старшин и по адресу ожидаемого «защитника» народа. Поэтому-то работа и не шла.

Хотя солнечное затмение по случаю убийства Карынбая не случилось, но вся степь чего-то ожидала. Все: и почетные аксакалы, и богачи, и родственники Карынбая, и рабочие станции «Айна-Бек» напряженно ждали из губернского города комиссара, достойного похвалы мужа, защитника обиженных и обездоленных.

Ведь все это: суета, хлопоты, собрание аксакалов, ожидание заступника из губернского города происходило не потому, что человек убил человека, а потому что убили Карынбая, того самого Карынбая, который был известен во всей Киргизской степи своим богатством и грозным именем, который наследнику цесаревичу-«акпаша» возил дорогие подарки, когда тот проезжал в восточную Сибирь, и приводил к нему девять снежно-белых с округло-черными пятнами молодых кобылиц с молодым жеребцом такой же масти. За что счастливо был награжден наследником, получив дорогой халат и несколько похлопываний по плечу.

И этого Карынбая, красу окрестной лесостепи, убили. Мало того. В убийстве все подозревали «кровопийцу» Казина, бывшего рабочего, потом, при Колчаке, красного партизана, затем при советской власти заимевшего разные должности, а теперь, получив отпуск, приехавшего в степь и занимающегося охотой.

Вот по этому-то горевала вся степь, стонали все баи и бывшие бии и старшины, и собиралось на небе затмиться красное солнышко и ясная луна. Экстренно ехал из губернского города приезжий блюститель порядка и закона. И поэтому все киргизы и русские, богатые и бедные, все рабочие на станции «Айна-Бек» напряженно ждали, что будет дальше по этому делу.

А то раньше в этом районе убийство человека человеком проходило почти незаметно. Например: при Колчаке в 1918 году на этой станции расстреляли трех рабочих, одного русского и двух киргизов. В прошлом году убили одного приезжего, а нынче убили пастуха Сагынбая и рабочего Сатжана.

Убийство этих людей никакого шума не производило, казалось тогда, что это так и должно быть. Никто не плакал, не охал, никто из высокопоставленных улуков из губернского города не приезжал для «расследования». А теперь... когда убили знаменитого Карынбая, а в убийстве подозревали безбожника Казина, вся широкая лесостепь застонала, все кругом в природе выглядело мрачно; все

население находилось в напряженном состоянии.

– Товарищи, вы чего это рассеялись и носы повесили? Надо же работать, – сказал старший рабочий, выйдя из помещения станции и подходя к рабочим.

– Успеем поработать, Захарыч, видите, сегодня какой день, – ответил бородатый Федотов.

– Почему это карынбаевские люди не убираются отсюда, Захарыч, – спросил молодой рабочий Бейсин.

– Э-э. Пускай их стоят, – презрительно махнул рукой Захарыч.

– Намозолили они уж нам глаза, – добавил Койбогар.

– Э-э-э, ничего, ребята, – все пройдет, – сказал Захарыч.

– Эй, поезд идет... Поезд идет...

Рабочие зашевелились...

Заговорили...

Поезд шел быстро.

Все стали смотреть на приближающийся поезд. Из станции вышли ожидавшие его случайные пассажиры. Среди них бросалась в глаза замечательная пара: богато одетая высокая дама, блондинка, имеющая вид большой мерзлой дыни, и мужчина низкого роста, толстый брюнет, похожий на жирного барана, предназначенного для закола.

Она, женщина, похожая на мерзлую дыню, глядя на быстро подъезжающий поезд, восхищалась:

– Ах, как хорошо идет теперь поезд. Почти как раньше... Смотри, Миша, посмотри...

Сильно зашевелились карынбаевцы, поправляли сбруи, удерживая беспокойных лошадей, переговариваясь споро:

– Тпру.

– Так!.. Так!.. Ан, так!..

– Эй, держи вожжи крепче...

С грохотом, шумом подкатил поезд к станции, остановился. Станция сразу оживилась. Одни из вагонов вылезали, другие влезали.

Рабочие и карынбаевцы смотрели во все глаза...

Вот, наконец, из первого вагона вылез с портфелем подмышкой ожидаемый желанный гость, заступник карынбаевцев. Вместе с ним вылезли три хорошо одетых круглолицых молодых человека. Тоже с портфелями, по-видимому, совработники. Также вместе с ним вылезли две дамы, усиленно намазанные, тщательно покрашенные, одетые по моде: то есть «с крыльями» и «вожжами» по обеим сторонам подола платья. Костюмы их резали глаза.

По выходе из вагона их быстро, как водится, окружили стоявшие люди. Гости, обменявшись двумя-тремя словами с почтительно окружившими их карынбаевцами, быстро пошли к повозкам, сели и, окруженные «конницей» Карынбая, тронулись в аул, где большая белая, как лебедь, юрта-палата манила их к себе.

Сразу бешено помчали гостей резвые тройки. А рабочие все стояли безмолвно и смотрели на них.

Дождавшаяся поезда большая дама, похожая на мерзлую дыню, разинув рот, восхищенно смотрела на гостей, на ожидавших их карынбаевцев и на красивые тройки, восклицая Мише:

– Ах, как это хорошо! Смотри, Миша, как это мило. Вот это понимаю, что уважают начальство! Вот это я понимаю, что похоже на начальство! Ах, смотри, Миша, какие лошади... Вот это теперь понимаю!

А рабочие еще долго стояли безмолвно, застыв вопросами. Злоба, сильная злоба кипела в каждой груди.

Карынбаевцы забегались. Легкие тучи сгустились на небе. Молчала степь. Тревожно, торопливо, тяжело дышал паровоз. Слышались далекие протяжные печальные песни пастухов.

«Злоба, грустная злоба кипела в груди».

САКЕН

Степная правда, № 232

25 октября 1922 г.

Литературная обработка перевода

Любови Шашковой



В январе 2017 года отмечают:

60-летие

Зоя БУЛАНОВА, переводчик

Манарбек ИЗБАСАР, поэт

70-летие

Кайсар АЛИМ, прозаик

Сарсенби ДАУТОВ, поэт

Кайсар ЖАРАБЕКОВ, переводчик

Глеукоп КОСЫБАКОВ, прозаик

Жаниба КАРАСАЕВА, поэт

Надежда ЧЕРНОВА, поэт, переводчик

80-летие

Закир АСАБАЕВ, прозаик

Кадыр ЖУСИП, литературовед

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

